

УДК 398.22 (571)

DOI 10.25205/1818-7919-2017-16-10-47-52

Б. С. Дугаров

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047, Россия*

khairkhan@mail.ru

ДАЯН ДЭЭРХИ: КУЛЬТ ШАМАНСКОГО БОЖЕСТВА И ЕГО БУДДИЙСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Даян Дээрхи – один из самых известных персонажей монгольской мифологии, гений-хранитель шаманских инициаций, испытавший заметное влияние буддизма в своем религиозном статусе. Его местопребывание связано с Хубсугульским краем, где этот образ приобрел черты ландшафтного божества, окруженного ореолом легенд. Следует отметить в мифологической биографии Даян Дээрхи ряд параллелей с Тэб тэнгри – верховным шаманом эпохи Чингисхана.

С утверждением буддизма в Монголии, вызвавшим переосмысление прежних культовых представлений, образ Даян Дээрхи претерпел заметную трансформацию. Она прослеживается по обрядовым текстам синкретического характера, свойственного монгольскому шаманизму, оказавшегося в сфере ламаистской мифологии. Сама эпифания хубсугульского божества, сохранившая шаманистские черты, приобретает буддийскую обрядность, характерную для адаптированных буддизмом традиционных верований. Тем не менее, культ Даян Дээрхи остается духовным феноменом в религиозно-мифологической традиции монгольских народов.

Ключевые слова: монгольская мифология, шаманизм, традиционные верования, буддизм, буддийская трансформация, синкретический культ.

Даян Дээрхи – один из наиболее известных персонажей монгольской мифологии, считающийся патроном шаманских инициаций в Монголии. Его местопребывание связано с Хубсугульским краем, где культ этого божества пустил глубокие корни. О значимости Даян Дээрхи свидетельствует его иерархическая связь с триадой самых знаковых божеств монгольского шаманизма, выражаемых сакральной нумерологией:

Дээрээс эрэн есөн тэнгэр

Доороос далан долоон этүгээн

Гучин гурван номт цагаан тэнгэр

Сверху (над ним) 99 тэнгри,

Снизу 77 этүгэн,

33 духовных белых тэнгри.

[Сүхбат, 2012. С. 114]

Под символикой 99 и 77 подразумеваются божества небесные и земные, восходящие к культу древнемонгольских *Хухэ Мунхэ тэнгри* (Синего Вечного неба) и *Этүгэн* – богини земли. Упоминающиеся за ними 33 духовных белых тэнгри представляют позднее явление в мон-

Дугаров Б. С. Даян Дээрхи: культ шаманского божества и его буддийская трансформация // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 10: Востоковедение. С. 47–52.

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Том 16, № 10: Востоковедение

© Б. С. Дугаров, 2017

гольской мифологии и связаны с культом *Хормусты*, чей образ претерпел контаминацию с *Хухэ Мунхэ тэнгри*. Таким образом, Даян Дээрхи в результате эволюции религиозно-мифологических представлений о нем становится универсальным тэнгрием, наделенным объединительной миссией.

К хубсугульскому божеству, чей культ приобрел общемонгольское звучание, обращаются с неизменной формулой: «Великий Даян Дээрхи милостивый мой – *Хан богд Даян Дээрх хайрхан минь*». Призывания эти исполнены большой поэтической силы, исходящей из фольклорной традиции, поэтому их можно рассматривать как образцы шаманской поэзии. Так, говорится, что небожитель приходит, «колыхая синее серебряное небо, / потрясая поверхность золотой земли, / поднимая волны на внешнем море... – *Хөх мөнгөн тэнгэрийг / Хөвсөлзүүлэн ирдэг, / Хөрст алтан дэлхийг / Хөдөлгөн ирдэг, / Гадаад далайг долгиуулан ирдэг...* [Сүхбат, 2012. С. 114].

Вокруг имени Даян Дээрхи сложился цикл устных рассказов, в большинстве случаев волшебного-фантастического характера. Обращают на себя внимание сюжеты, связанные с Чингисханом и представляющие интерес с точки зрения генезиса образа хубсугульского божества. Так, в одном из нарративов говорится, что Даян Дээрхи был равнодушен к младшей жене Чингисхана и хотел сделать ее своей супругой. Приехав в ставку хагана, он был радушно принят хозяином, который повелел слуге отпустить на отдых коня гостя. Но слуга не смог притронуться к лошади, так как все, начиная с чембура и поводыев и кончая тороками и подпругой, было опутано живой змеей, а ее жало шевелилось, готовое ужалить. «Верно, гость приехал с дурными намерениями», – подумал слуга и поспешил доложить об этом владыке. Тот не поверил слуге и в порыве гнева готов был подвергнуть его наказанию, но тут сам Даян Дээрхи обратился к Чингисхану с такими словами: «Хан мой, соблаговоли смилостивиться. То, о чем говорит твой слуга, считай, что это ему показалось. На самом деле конь подает мне знак, что пора возвращаться. Путь мой действительно далек. Пусть твоя младшая жена проводит меня до коновязи».

Когда женщина вышла его провожать, Даян Дээрхи неожиданно схватил ее и, бросив поперек седла, поскакал прочь. Он несся подобно смерчу. Чингисхан в сопровождении охраны пустился вдогонку. Спасаясь от погони, Даян Дээрхи спрятал ханшу в пещере около реки Уур, а сам превратился в каменную статую. Чингисхан, догнав его, воскликнул: «Ах, вот ты где, плешивая башка!», и с размаху ударил саблей по истукану, едва не разрубив ему шею. На следующий год люди и скот в стране понесли большой ущерб. По этой причине начали совершать умиловительные жертвоприношения Даян Дээрхи. Пещера, где была спрятана жена Чингисхана, стала с тех пор знаменитой. Она расположена в сомоне Цагаан Уур Хубсугульского аймака [Даяндээрхийн домог, 2011. С. 29, 30].

В другом нарративе повествование обходится без любовной завязки и сводится к подробному перечислению местностей, через которые пролегла погоня. Концовка такая же, как и в первом варианте: в сомоне Цагаан Уур Даян Дээрхи превратился в каменное изваяние, в верхней части которого остался рубец – след от сабельного удара Чингисхана [Хөшөө чулууны домог, 2011. С. 31].

Эти легенды вызывают параллели с образом *Тэб-тэнгри* (Кокочу), могучим шаманом, жрецом неба, ставшим противником Чингисхана и умерщвленным им при попытке узурпировать ханскую власть. В «Сокровенном сказании монголов» подробно описан характер клановой коллизии, возникшей между Чингисханом и *Тэб тэнгри*. Образы этих двух персонажей – мифологического (Даян Дээрхи) и легендарного (*Тэб тэнгри*) – объединяет то обстоятельство, что оба они были великими шаманами и оказались жертвами собственных амбиций по отношению к Чингисхану.

Возможно, отзвук драматических событий, связанных с противостоянием создателя монгольского государства и его верховного шамана, отложился в фольклоре в виде сюжетов, сближающих образы Тэб тэнгри и Даян Дээрхи в их шаманских ипостасях. Так, известно, что Тэб тэнгри «посещал небо на белом коне» [Рашид-ад-дин, 1952. С. 167] и общался с Небом (Тэнгри), становясь эгзегетом его волеизъявления. Даян Дээрхи, согласно легендам, также

обладал сверхъестественными способностями небесного происхождения. Около его культового места в Прихубсугулье прежде находилась шаманка, которая передавала ответы Даян Дээрхи. А шаманы благодаря присутствию духа Даян Дээрхи оказываются «столь могущественны, что сводят молнию с неба» [Потанин, 1883. С. 293].

Косвенное подтверждение тождественности этих персонажей обнаруживается в семантическом созвучии теонимов *Тэб тэнгри* и Даян Дээрхи. Первый из них означает Срединное небо (*teb-tob tenri* – середина-небо, то есть часть неба прямо над головой, в зените [Владимирцов, 2002. С. 216]), второй – самый высший (*даян* – высший, *дээрхи* – верхний, находящийся наверху [Большой академический..., 2001. С. 43, 119]).

Культ Даян Дээрхи как шамана-небожителя сформировался именно в Прихубсугулье, ставшем цитаделью монгольского шаманизма. Этому способствовали особенности горно-таежного ландшафта и природные святыни, нашедшие отражение в гимне Даян Дээрхи, где указываются здешние топонимы, связанные с его местопребыванием:

Үүрийн Хайрхан дамжлагатай,
Онгон даваа сандалтай,
Агар мөрөн ундлагатай.

Имеющий перевалом Уурийн Хайрхан,
Онгон даваа – сидением,
Реку Агар – напитком.

[Сүхбат, 2012. С. 114]

В результате адаптации образа Даян Дээрхи в сакральном мире Прихубсугулья ему приписывается «местное» этническое происхождение. Так, шаманка Насанцэцэг, с которой мы познакомились во время фольклорной экспедиции в сомоне Цагаан Уур в августе 2011 г., полагает, что Даян Дээрхи происходил из лесного племени урианхай (*ойн иргэдын урианхай хүчтэй бөө байсан*), автохтонного в этих краях. Кстати, сама Насанцэцэг по отцу тоже из урианхай. Дома у нее, в центре домашней божницы (гунгарбы) – изображение Даян Дээрхи, которому она поклоняется как своему небесному покровителю.

Существует также версия о происхождении Даян Дээрхи из племенного объединения хори-тумэтов, обитавших восточнее оз. Хубсугул [Пүрэв, 2002. С. 43]. Очевидно, культовый облик Даян Дээрхи складывался в течение многих поколений, испытывая влияния со стороны разных этнических групп: не только урианхайцев, но и дархатов, хотогойтов, халхасов, бурят. Это сказалось на полной титулатуре хубсугульского божества, которое выглядит как *Хам Богдо Даян Дээрхи*. Препозитивное *хам* (от *кам* в тюркских языках Саяно-Алтайского региона в значении ‘шаман’) Б. Я. Владимирцов [2005. С. 381] рассматривал как тюркское заимствование. Данное предположение имеет под собой основу, так как Прихубсугулье исторически считается тюрко-монгольской языковой и этнокультурной контактной зоной [Потанин, 1881. С. 157, 158].

С распространением буддизма в Монголии образ Даян Дээрхи претерпел значительную метаморфозу. По идеологическим соображениям он был причислен ламским духовенством к ряду дхармапала (защитников религии). Согласно легенде о Даян Дээрхи, «Будда превратил его в «буддийского шамана» (*шашны бөө*) и приказал ему помогать *амитанам* – живым существам Монголии» [Владимирцов, 2005. С. 381]. Знаменитое каменное изваяние (*хөшөө чулуун*) Даян Дээрхи в местности Уялган тоже оказалось в сфере влияния лам. Со временем рядом с ним возник монастырь, носящий имя «укрощенного буддизмом» шаманского божества. По мнению О. Пүрэва, Даян Дээрхи являет классический пример контаминации в одном мифологическом персонаже представителя старой веры монголов с новой – «желтой», под которой подразумевается буддизм [Пүрэв, 2002. С. 8].

Буддийская трансформация образа Даян Дээрхи прослеживается по культовым текстам синкретического характера, что свойственно монгольскому шаманизму в целом, испытывавшему сильное влияние ламаистской мифологии. Так, в шаманской инвокации, записанной Б. Я. Владимирцовым во время поездки в Монголию, Даян Дээрхи упоминается как «грозный хранитель религии» в одной «связке» с *Ваджрапани* (*Очирвани*) и *Манджушири*, занимающими высокое положение в тибетском пантеоне [Владимирцов, 2005. С. 380–384]. В другом тек-

сте гением-хранителем самого Даян Дээрхи называется *Далха* [Сүхбат, 2012. С. 113], что имеет семантическую взаимосвязь, так как *Далха* – воинственное буддийское божество, чей генезис восходит к бонской мифологии [Огнева, 1990]. Шаманско-буддийская амбивалентность в трактовке образа Даян Дээрхи характерна для молитвенных обрядников позднего происхождения. Он, «имеющий свиту из множества воинственных баторов», называется «предводителем 10 тысяч шаманов (*түмэн бөөгийн тэргүүн болсон*)», «учителем тысячи шаманов (*мянган бөөгийн багш болсон*)» и считается гением-хранителем каждого человека, который возносит к нему мольбу [Сүхбат, 2012. С. 114]. Вместе с тем к Даян Дээрхи обращаются и как к хранителю буддийских духовных ценностей:

Хан Даян буурал аав минь,
Арван цагаан буяны минь!
Харан тэтгэн хайрла!

Царственный Даян, седой отец мой,
Десяти белых добродетелей (владыка) мой!
Оказать мне покровительство соизволь!

[Сүхбат, 2012. С. 114]

Воспоминания о «шаманском» прошлом культа Даян Дээрхи живут в памяти населения Прихубсугулья, но обрядовая сторона полностью перешла в руки лам, которой следуют и миряне. По словам Даваасурэна, бурята хонгодорского происхождения, сильных шаманов ныне нет, но раньше были. Сам он поклоняется Даян Дээрхи, используя молитвенный обрядник «*Даян Дээрхи ганс-судар*». Примечательно, что в пещере Даян Дээрхи, местном культовом месте, совершают поклонение в первый день новолуния Белого месяца (*Цагаан сарын шинэнд*) по буддийскому лунному календарю. Берут с собой водку (*архи*), белую пищу (*цагаан идээн*), чай, сахар. По описанию Даваасурэна, пещера достаточно вместительная (может войти 60–70 человек), в глубине ее находится *эхын умай* – материнское чрево. Оно представляет из себя камень в виде женского лона, вмещающего одного человека. Молящийся входит туда, совершает поклонение и, пятясь назад, выходит – как будто заново рожденный.

Также у Даваасурэна имеются еще два небольших обрядника «*Даян Дээрхийн магтаал*» и «*Даян Дээрхийн сан сэржим*». Текст в них состоит из тибетских слов с монголоязычными вкраплениями; чтение сопровождается возлиянием архи, молока, чая, воскурением можжевельника (*арц*); по ходу полагается трижды хлопать в ладони и трижды произносить мантру *Умаа хум*. Подобные книжки, вероятно, упоминает Б. Я. Владимирцов [2005. С. 389] при знакомстве с шаманско-буддийской литературой. Одна из них называется «Способ принесения моления и жертв владыке местности, великому *upasaka*». Санскритское слово *upasaka* (в монгольском произношении *увш / убаши*) означает мирянина, принявшего духовный обет. В данном тексте под «великим *upasaka*» подразумевается Даян Дээрхи – как шаманское божество, принявшее буддизм.

Ламаизация культа Даян Дээрхи отразилась в современных верованиях прихубсугульских этнических групп. Судя по Даваасурэну и его соплеменникам, живущим в Цагаан Ууре, тамошние монголы придерживаются ламаистских ритуалов и совершают поездки не только в пещеру Даян Дээрхи, но и в одноименный буддийский монастырь, восстановленный в начале XXI в. вблизи села Цагаан Уур. Главными святынями в монастыре являются изображения трех божеств: Будды Шакьямуни (Бурхан багши), Очирвани и Даян Дээрхи в виде божества-всадника с гневным ликом – грозного *докишта*, возведенного в ранг хранителя буддизма. Как объяснил сопровождавший нас местный лама Цэрэн-Очир: «Даян Дээрхи был могущественным шаманом, теперь стал *бурханом* – защитником буддийской веры».

Можно констатировать, что под влиянием буддизма на территории Монголии произошло переосмысление прежних культовых представлений, вследствие чего пантеон монгольских божеств приобрел синкретический характер. Это особенно наглядно проявляется в Прихубсугулье, где в силу особых природных условий и изолированности от внешнего мира сохранились многие элементы традиционных верований. Образ Даян Дээрхи, шаманистский по происхождению и имеющий ряд уранических параллелей с *Тэб тэнгри*, претерпел значительную эволюцию в контексте исторических обстоятельств. Тем не менее, культ Даян Дээрхи, транс-

формированный под буддийским знаком, остается духовным феноменом в религиозно-мифологической традиции монгольских народов.

Список литературы

- Большой академический монгольско-русский словарь. М.: АCADEMIA, 2001. Т. 2. 536 с.
- Владимирцов Б. Я. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах // Владимирцов Б. Я. Работы по монгольскому языкознанию. М.: Вост. лит., 2005. С. 358–397.
- Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Вост. лит., 2002. 557 с.
- Даяндээрхийн домог // Домог. «Хөвсгөлийн алтан ном» цуврал, I боть / Сост. Ч. Нямжав. Улаанбаатар, 2011. С. 29–30.
- Огнева Е. Д. Далха // Мифологический словарь. М., 1990. С. 171.
- Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1881. Вып. 2. 268 с.; 1883. Вып. 4. 1029 с.
- Пүрэв О. Монгол бөөгийн шашин. Улаанбаатар: Адмон, 2002. 388 с.
- Рашид-ад-дин. Сборник летописей / Пер. с перс. Л. А. Хетагурова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1, кн. 1. 219 с.
- Сүхбат III. Монгол бөөгийн дэлгэрэнгүй толь – III. Улаанбаатар: Содпресс, 2012. 251 с.
- Хөшөө чулууны домог // Домог. «Хөвсгөлийн алтан ном» цуврал, I боть / Сост. Ч. Нямжав. Улаанбаатар, 2011. С. 31.

Материал поступил в редколлегию 12.03.2017

B. S. Dugarov

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
6 Sakhyanovoi Str., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation*

khairkhan@mail.ru

DAYAN DEERKHI: CULT OF SHAMANIC DEITY AND HIS BUDDHIST TRANSFORMATION

The article examines the image of Dayan Deerkhi – one of the most famous characters of the Mongolian mythology, a genius guardian of shamanic initiations in Mongolia, who experienced a significant influence of Buddhism in his religious status. The location of Dayan Deerkhi is associated with Khubsugul area, where due to special nature conditions of the mountain taiga the image of this tengri-celestial acquired the features of a powerful landscape deity surrounded by a halo of various legends mostly of the magical character. In the mythological biography of Dayan Deerkhi one should also note a number of expressive parallels with Teb tengri – the supreme shaman of the Genghis Khan era, which is of particular interest for studying the genesis of the Khubsugul deity cult.

In connection with the spread and approval of Buddhism in Mongolia, which led to a rethinking of previous religious views, the image of Dayan Deerkhi has undergone a significant Buddhist transformation. It is clearly reflected in the ritual texts which carry a syncretic character inherent to the whole Mongolian shamanism that appeared in the sphere of attraction of the lamaist mythology. The epiphany of the Khubsugul deity which preserved shamanistic traits has now received distinct Buddhist ritualism, characteristic to Mongolian traditional beliefs adapted by Buddhism. Nonetheless, the syncretic cult of Dayan Deerkhi, which reflects the gradual evolution of ideas about it in historical

circumstances, continues to be a spiritual phenomenon in the religious and mythological tradition of the Mongolian people.

This is especially evident in Khubsugul region, which until recently was the citadel of Mongolian shamanism. There was the place where the cult of Dayan Deerkhi was originally formed and rooted as a shamanic deity, later acquired a common Mongolian features. The significance of one of the most outstanding representatives of the sacred tradition of the Mongols is evidenced by its hierarchical connection with the pantheon of Tengriism deities. At the same time, Dayan Deerkhi due to ideological reasons connected with the spread of Buddhism is becoming a universal tengri-celestial creature, endowed with a special unifying mission. According to the definition of O. Purev, Dayan Deerkhi is a classic example of contamination into one image mythological characteristics of the old Mongolian faith with those from new religion, Buddhism.

Keywords: Mongolian mythology, shamanism, traditional beliefs, Buddhism, Buddhist transformation, syncretic cult.

References

Bolshoj akademicheskij mongolsko-russkij slovar [Big academic Mongolian-Russian dictionary]. Moscow: ACADEMIA, 2001. Vol. 2. 536 p. (in Russ.)

Dajandeerkhijn domog // Domog. «Hovsgolijn altan nom» tsuvral, I bot [The legend about Dayan Deerkhi] / Compiled by Ch. Njamzhav. Ulan-Bator, 2011. P. 29–30. (in Mong.)

Khooshoo chuluuny domog // Domog. «Khovsgolijn altan nom» tsuvral, I bot [Legend about the stone woman] / Compiled by Ch. Njamzhav. Ulan-Bator, 2011. P. 31. (in Mong.)

Ogneva E. D. Dalkha // Mifologicheskij slovar [Mythological dictionary]. Moscow, 1990. P. 171. (in Russ.)

Potantin G. N. Ocherki Severo-Zapadnoj Mongolii [Essays of North-Western Mongolia]. St.-Petersburg: Typ. of V. Kirshbaum, 1881. Iss. 2. 268 p.; 1883. Iss. 4. 1029 p. (in Russ.)

Purev O. Монгол бөөгийн шашин [Mongolian shamanism]. Ulan-Bator: Admon Publisher, 2002. 388 p. (in Mong.)

Rashid-ad-din. Sbornik letopisej [The collection of chronicles] / Transl. from Farsi by L. A. Khetagurov. Moscow; Leningrad: The USSR Academy of Sciences Publishing House, 1952. Vol. 1, book 1. 219 p. (in Russ.)

Sukhbat Sh. Mongol boogijn delgerenguj tol – III [Detailed dictionary of Mongolian shamanism]. Ulan-Bator: Sodpress, 2012. 251 p. (in Mong.)

Vladimirtsov B. Ja. Jetnologo-lingvisticheskie issledovanija v Urge, Urginskom i Kentejskom rajonah [Ethno-linguistic studies in Urga, Urginsk and Kenteisk regions] // Vladimirtsov B.Ja. Raboty po mongolskomu jazykoznaniju [Studies on Mongolian philology]. Moscow: East. lit. Publisher, 2005. P. 358–397. (in Russ.)

Vladimirtsov B. Ja. Raboty po istorii i jetnografii mongolskih narodov [Studies on history and ethnography of the Mongolian people]. Moscow: East. lit. Publisher, 2002. 557 p. (in Russ.)